

ДИСКУССИИ

УДК 811.161.1'42:34
ББК Ш141.12-51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01; 10.02.21

О. В. Барабаш **O. V. Barabash**
К. Б. Филиппов **K. B. Filipov**
Пенза, Россия Penza, Russia

«КОРРУПЦИЯ» КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЛИНГВО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИИ

«CORRUPTION» AS A KEY NOTION ANTI-CORRUPTION LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION: LINGUO-JURIDICAL ANALYSIS OF THE DEFINITION

Аннотация. Осуществляется лингвистический и правовой анализ официальной дефиниции коррупции. Выявляются пробелы в действующем антикоррупционном законодательстве как в части субъектного состава коррупционных деяний, так и в части определения их перечня. Обосновывается необходимость совершенствования законодательного определения коррупции, предлагается вариант его формулировки.

Abstract. The article carries out a linguistic and legal analysis of the official definition of corruption. It reveals the gaps in the existing anti-corruption legislation both in the part of the subject composition of acts of corruption, and in determining the list of acts of corruption. The authors specify the necessity of improving the legislative definition of corruption and offer a variant of its wording.

Ключевые слова: коррупция; дефиниция; язык; антикоррупционное законодательство; норма права.

Key words: corruption; definition; language; anti-corruption legislation; the rule of law.

Сведения об авторе: Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент.

About the author: Barabash Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor.

Место работы: Пензенский государственный университет.

Place of employment: Penza State University.

Контактная информация: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
e-mail: olphil@mail.ru.

Сведения об авторе: Филиппов Кирилл Борисович, начальник Правового управления.

About the author: Filipov Kiril Borisovich, Head of Legal Department.

Место работы: Пензенский государственный университет.

Place of employment: Penza State University.

Контактная информация: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
e-mail: kb1@bk.ru.

Коррупция как социальное явление, значительно затрудняющее становление рыночной экономики и являющееся существенной угрозой демократическим институтам, основанным на принципах равенства, социальной справедливости и верховенства закона, является предметом постоянного обсуждения и изучения как в политическом, так и в правовом, социальном и даже лингвистическом аспектах.

Транснациональный характер феномена коррупции подводит к осознанию во всем мире необходимости выработки мер по противодействию этому явлению, предупреждению и недопущению коррупционных проявлений. Международное сотрудничество в области предупреждения коррупции и борьбы с ней позволило принять ряд международных документов, в том числе конвенции Организации Объединенных Наций, конвенции Организации экономического сотрудничества и развития, постановления Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ.

В Российской Федерации антикоррупционное законодательство основывается прежде всего на Конституции Российской Федерации и

нормах международного права, международных договоров, а также Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и других нормативных правовых актах, направленных на борьбу с этим явлением. В то же время составляемый международной организацией Transparency International «Индекс восприятия коррупции» (Corruption Perception Index) — ежегодный составной индекс, измеряющий уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран, — демонстрирует высокий уровень коррупции в России в период 1996—2013 гг. [Corruption Perception Index]. В связи с этим обращение к проблеме коррупции по-прежнему представляется актуальным и своевременным.

Различные аспекты изучения коррупции рассмотрены в публикациях В. М. Быкова, О. В. Дамаскина, Н. А. Лопашенко, О. В. Назарова, Ю. П. Синельщикова, Ю. А. Тихомирова, Т. Я. Хабриевой и др. Проблемы реализации положений международных антикоррупционных конвенций в российском уголовном праве изучены в научных публикациях таких авторов, как Г. И. Богуш, К. В. Ображиев, О. А. Сафонов

Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 14-34-01252 «Язык и стиль официальных документов: антикоррупционные требования».

© Барабаш О. В., 2014

[Богуш 2011; Ображиев 2011; Сафонов 2012] и др. Особое внимание исследователей, в частности С. В. Максимова, С. М. Будатарова, Н. В. Щедрина, В. Е. Шинкевича [Максимов 2008; Будатаров 2012; Щедрин 2009; Шинкевич 2009], привлекает вопрос о сущности коррупции как социального явления, а также об объеме дефиниции самого термина «коррупция», ставшего предметом широкой дискуссии. Это не случайно, так как «определение коррупции позволяет очертить сферу отношений как предметную область, на которую может быть направлена антикоррупционная государственная политика, где могут быть выбраны соответствующие средства и инструменты противодействия, прежде всего правовые» [Хабриева 2012].

Целью данной статьи является лингво-правовой анализ содержания официального юридического определения понятия «коррупция». Достижение поставленной цели требует решения следующих задач: очертить в соответствии с действующим законодательством круг деяний, квалифицируемых как коррупционные; уточнить субъектный состав коррупционных преступлений; оценить точность языкового выражения исследуемой дефиниции и его соответствие правовым установлениям антикоррупционного законодательства. Решение данных задач представляется необходимым звеном в формировании теоретической научной основы для всестороннего изучения явления коррупции.

Слово «коррупция» происходит от латинского *corrumpere* — «портить, развращать, подкупать». Современный толковый словарь русского языка трактует термин «коррупция» как «прямое использование должностным лицом своего служебного положения в целях личного обогащения», которое, «как правило, сопровождается нарушением законности» [Современный толковый словарь... 2002]. Согласно определению, представленному в «Большом юридическом словаре», коррупция — это «общественно опасное явление в сфере политики или государственного управления, выражающееся в умышленном использовании представителями власти своего служебного статуса для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно подкуп этих лиц» [Большой юридический словарь 2001]. Данный словарь также отмечает, что в Российской Федерации коррупция есть «понятие не уголовно-правовое, а собирательное, определяющее правонарушения самого различного вида — от дисциплинарных до уголовно-правовых» [Там же].

Как известно, словарные значения правовых терминов не могут считаться юридически значимыми, и официальной признается дефиниция, установленная нормативным правовым актом. Анализ как международных, так и зарубежных источников права позволяет сделать вывод, что существуют два основных подхода к

раскрытию содержания понятия коррупции. Первый способ заключается в его определении путем перечисления деяний коррупционной направленности. Так, путем перечисления коррупционных правонарушений следуют некоторые международно-правовые акты, в частности Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г., Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г., а также авторитетный, претендующий на экстерриториальность Закон Великобритании о взяточничестве (United Kingdom Bribery Act, UK BA) от 8 апреля 2010 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), принятый в 1996 г., также закрепляет ряд составов деяний коррупционного характера в качестве уголовно наказуемых преступлений. Кроме того, в приложениях к статье 285 УК РФ законодателем сделана попытка установить общие для всех составов преступлений коррупционной направленности характеристики субъектного состава.

Второй подход, напротив, предполагает наличие в нормативных правовых актах отдельного легального определения понятия коррупции. В Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка ООН 1979 г. дано следующее определение: «...коррупция — это выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения» [Кодекс поведения должностных лиц].

Модельный закон «О борьбе с коррупцией», принятый Межпарламентской ассамблеей государств — участников СНГ 1999 г., рекомендует понимать коррупцию (коррупционные правонарушения) как «не предусмотренное законом принятие лично или через посредников имущественных благ и преимуществ государственным должностными лицами, а также лицами, приравненными к ним, с использованием своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей, а равно подкуп данных лиц путем противоправного предоставления им физическими и юридическими лицами указанных благ и преимуществ» [Модельный закон «О борьбе с коррупцией» 1999]. Позднее, в 2003 г., Межпарламентская ассамблея в модельном законе «Основы законодательства об антикоррупционной политике» изменит предыдущую дефиницию, определив коррупцию «как подкуп (получение или дача взятки), любое незаконное использование лицом своего публичного статуса, сопряженное с получением выгоды (имущества, услуг или льгот и/или преимуществ, в том числе неимущественного характера) как для себя, так и для своих близких вопреки законным интересам общества и государства, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу» [Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» 2003]. Как мы

можем видеть, определение 2003 г. является более жестким: «государственные должностные лица» заменены «лицом с публичным статусом», т. е. значительно более широким понятием; подкуп включает в себя также выгоды неимущественного характера, кроме того, круг бенефициаров расширяется за счет добавления в него «близких» лица с публичным статусом.

Следует отметить, что значительный период времени с момента начала функционирования современной российской правовой системы в законодательных актах не было зафиксировано официальное юридическое определение понятия «коррупция», и сущность этого явления выводилась опосредованно через доктринальное толкование норм уголовного законодательства антикоррупционной направленности. В то же время понятие коррупции как ключевое понятие антикоррупционного законодательства Российской Федерации нуждалось в официальном определении. В связи с этим предпринималось несколько попыток принятия базового закона по борьбе с коррупцией, в котором раскрывалось бы содержание данного феномена. Наиболее яркими среди них, на наш взгляд, являлись проект федерального закона «О борьбе с коррупцией» № 96700358-2, принятый Государственной думой в окончательной редакции в ноябре 1997 г., а также проект федерального закона № 99097368-2 «О борьбе с коррупцией» 2001 г.

Именно в этих проектах давалось отдельное определение понятия коррупции, подробно характеризовались субъекты коррупционных правонарушений. В целом отмеченные проекты нормативно-правовых актов представляли варианты проработанной системы норм о противодействии коррупции, однако не были приняты в качестве законов по различным политическим причинам.

Только с принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в стране на законодательном уровне появляется программный антикоррупционный документ, устанавливающий основные направления деятельности государства по противодействию коррупции, определяющий сферу применения антикоррупционной политики, утверждающий официальную дефиницию понятия «коррупция».

Так, в соответствии со статьей данного закона, под коррупцией понимается *«злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды ука-*

занному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний, от имени или в интересах юридического лица» [Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ].

Необходимо отметить, что приведенная официальная дефиниция понятия коррупции на первый взгляд отвечает общепринятым требованиям к дефинициям правовых терминов, так как являет собой определение понятия, отражающее существенные признаки исследуемого явления. В ней объединены коррупционные преступления, посягающие на различные сферы правоотношений, указаны общие признаки коррупционных деяний. Положительным моментом, на наш взгляд, можно считать включение в рассматриваемую дефиницию незаконного предоставления имущественной выгоды должностному лицу другими лицами. Это положение коррелирует с запретом дарения, установленным статьей 575 Гражданского кодекса РФ. Благодаря этому положению снимается проблема квалификации получения должностным лицом (предоставление должностному лицу) имущественной выгоды в размере, превышающем установленные статьей 575 Гражданского кодекса РФ ограничения. В связи с этим подарок должностному лицу стоимостью более трех тысяч рублей без квалифицирующих признаков состава преступления (дача/получение взятки), а именно «совершения действий (бездействия) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц», образует для получателя подарка состав должностного коррупционного правонарушения, влекущего дисциплинарную ответственность вплоть до увольнения. В связи с вышеизложенным следует признать ошибочным мнение, высказанное в статье Г. Б. Морозова, Г. Ф. Нурғалиевой о том, что «подарок — вещь или имущественное право стоимостью менее 3 тыс. руб., всё, что выше — взятка» [Морозов, Нурғалиева 2014]. Отметим, что спорными представляются и многие другие положения, высказанные в статье данных авторов, особенно в части аргументации тех или иных тезисов. Однако в рамках настоящей статьи мы заостряем внимание лишь на вопросах, имеющих непосредственное отношение к проблеме дефиниции понятия коррупции.

Таким образом, появление нормативного определения понятия коррупции явилось важным шагом на пути становления антикоррупционного законодательства в России, заложив основу дальнейшего развития правового регулирования данной сферы.

Тем не менее данную дефиницию понятия коррупции нельзя признать исчерпывающей. К сожалению, авторам законопроекта не удалось полностью ликвидировать правовой пробел, связанный с отсутствием понятия коррупции в российском законодательстве. Анализ официального определения понятия коррупции позволяет выявить в нем ряд недостатков, по-

служивших причиной возникновения разногласий в толковании его содержания.

Так, в исследуемой дефиниции приводится следующий перечень деяний, имеющих коррупционную составляющую: «*злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения*» [Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ]. Дискуссионным оказалось толкование содержащейся в официальной дефиниции понятия коррупции в языковой формулы «иное **незаконное** использование служебного положения». Полагаем, что причиной обнаруживаемых учеными и специалистами правовых коллизий в этой части дефиниции является неудачное языковое выражение мысли законодателя. Так, грамматическое толкование первой части определения коррупции подводит перечисленные в нем деяния под категорию преступлений, связанных с **незаконным** использованием служебного положения. В связи с этим ряд авторов, интерпретируя данную часть дефиниции, рассматривают «незаконное» (Н. В. Щедрин) либо «противоправное» (Т. Я. Хабриева) использование лицом должностного положения в качестве неотъемлемого признака коррупции. Так, в частности, Н. В. Щедрин пишет: «В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Закона, коррупционными следует признавать *только* (курсив наш. — О. Б., К. Ф.) **незаконное** использование служебного положения» [Щедрин 2009]. В то же время необходимо отметить, что, например, состав взятки, безусловно признаваемой коррупционным проявлением, характеризуется совершением должностным лицом в пользу взяткодателя **действий (бездействия), которые входят в его служебные полномочия**, т. е. являются **законным** использованием служебного положения.

На наш взгляд, снятие указанных противоречий возможно путем уточнения круга деяний, квалифицируемых как коррупционные, за счет их разграничения на следующие категории:

- *получение незаконной выгоды* безотносительно к осуществлению лицом должностных полномочий, влекущее административную и дисциплинарную ответственность;

- *незаконное использование должностных полномочий, сопровождающееся получением незаконной выгоды*, влекущее уголовную ответственность;

- *законное использование должностных полномочий, сопровождающееся получением незаконной выгоды*, влекущее как уголовную, так и административную, а также дисциплинарную ответственность. Примером последнего варианта может выступать ситуация, при которой государственный регистратор, получив взятку, осуществляет регистрацию сделки с недвижимостью, скажем, уже на второй день

из пятнадцати установленных законом дней. Иными словами, он оказывает содействие взяткодателю, приобретая при этом незаконную выгоду, но формально не выходя за рамки законного использования своего служебного положения. К сожалению, буквальное толкование формулировки действующего определения коррупции свидетельствует о том, что приведенная выше ситуация не содержит состава коррупционного преступления, что, следует полагать, противоречит как замыслу законодателя, так и положениям УК РФ.

Кроме того, формулировка «иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения» в силу своей неопределенности, размытости создает возможность неоднозначного ее толкования, зависящего от усмотрения правоприменителя. В связи с этим само определение коррупции содержит языковую формулу, которая может быть квалифицирована как коррупциогенный фактор.

Перечисляя в рассматриваемой дефиниции преступления коррупционной направленности, законодатель допускает терминологическое несоответствие: статьей 285 УК РФ устанавливается состав такого преступления, как «злоупотребление должностными полномочиями» [УК РФ № 63-ФЗ], а в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» оно поименовано как «злоупотребление *служебным положением*» [Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ], хотя бесспорным является требование идентичности содержания терминов, употребляемых в законодательстве, особенно в уголовном.

Следует также отметить, что в дефиниции коррупции перечислены не все коррупционные преступления. Так, в ней отсутствуют превышение должностных полномочий, незаконное участие должностного лица в предпринимательской деятельности, безусловно имеющие коррупционную составляющую. Кроме того, по мнению ряда исследователей, например Н. А. Лопашенко, в уголовном законе есть и другие преступления, так или иначе связанные с коррупцией, в частности с подкупом: воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий путем подкупа (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ); незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем подкупа (ст. 183 УК РФ); подкуп к даче показаний или к неправильному переводу (ч. 1 ст. 309 УК РФ) [Лопашенко 2005].

Содержательное наполнение определения коррупции представляется с юридической точки зрения ограниченным также и потому, что употребление прилагательного «имущественный» применительно к предмету коррупции (получение «выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав») оставляет за рамками рассматриваемого поня-

тия коррупционные проявления, направленные на блага, услуги и льготы, относящиеся к категории неимущественных. Вследствие этого российское понятие коррупции уже не может включать все возможные разновидности и проявления коррумпирования. Не случайно перечень деяний, требующих возведения в ранг уголовно преследуемых согласно Конвенции ООН против коррупции, шире перечня коррупционных преступлений Уголовного кодекса РФ. При этом из закрепленного в пункте 4 статьи 15 Конституции РФ примата норм международного права вытекает необходимость значительных изменений норм уголовного законодательства РФ, не соответствующего вышеназванным международным документам. Другим способом восприятия российским правом норм Конвенции ООН против коррупции, как отмечает Ю. П. Синельщиков, будет развитие на их основе институтов других отраслей (гражданского, уголовно-процессуального) права, например института обязательств вследствие неосновательного обогащения [Синельщиков 2014].

В качестве недопустимой неточности необходимо отметить словосочетание «вопреки законным интересам общества и государства». Корреспондирующие статьи Уголовного кодекса в ряде случаев либо не содержат в качестве признака деяния противоречия его подобным интересам (например, состав «получения взятки» ст. 290 УК РФ), либо деяние вообще направлено на причинение вреда интересам отдельного юридического лица (преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, глава 23 УК РФ).

Полагаем, что при дальнейшем совершенствовании антикоррупционного законодательства нормативная дефиниция термина «коррупция» подлежит ревизии с учетом вышеизложенного.

Неясным представляется и вытекающий из официального определения коррупции круг субъектов коррупционного поведения. Как справедливо отмечает Н. В. Щедрин, в статье 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» речь идет «только о физических лицах, даже если они совершают коррупционные деяния „от имени или в интересах юридических лиц“» (п. «б» статьи 1 Федерального закона). Сами юридические лица, согласно определению, данному в первой статье, не являются субъектами коррупции, что противоречит последней статье (ст. 14) этого же закона, которая так и называется «Ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения» [Щедрин 2009]. В связи с этим считаем, что в круг субъектов коррупционного поведения должны быть введены и юридические лица, тем более что в РФ существует состав административной ответственности юридических лиц за коррупцию, в частности установленное статьей 19.28 КоАП «Незаконное вознаграждение от имени юриди-

ческого лица» [Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях... № 195-ФЗ].

Объединение в понятии коррупции деяний против государственной власти и интересов службы в коммерческих и иных организациях (коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями), призванное расширить действие антикоррупционных норм по кругу лиц, затрудняет однозначную идентификацию субъектов коррупционного деяния. Кроме того, в нормах закона присутствуют запреты, ограничения и обязанности преимущественно для государственных и муниципальных служащих: обязанность представления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера (ст. 8), обязанность государственных и муниципальных служащих уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений (ст. 9), недопущение конфликта интересов на государственной и муниципальной службе (ст. 11), ограничения, налагаемые на гражданина, замещавшего должность государственной или муниципальной службы (ст. 12) и др. В качестве одного из основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции п. 15 ст. 7 Закона называется повышение уровня оплаты труда и социальной защищенности государственных и муниципальных служащих. Подобный акцент Закона на антикоррупционной специфике деятельности государственных и муниципальных служащих привел к ошибочному мнению ряда исследователей, утверждающих, что под действие федерального закона «О противодействии коррупции» «не попадают педагогические, медицинские работники, работники воспитательных учреждений всех уровней» [Морозов, Нургалиева 2014]. Подобный вывод, сделанный в статье Г. Б. Морозова и Г. Ф. Нургалиевой, нельзя признать обоснованным, так как он противоречит анализу норм действующего законодательства в системном толковании.

Существовавшее еще до принятия Закона о коррупции примечание 1 к статье 285 Уголовного кодекса РФ устанавливало, что во всех нормах главы 30 УК РФ («Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления») «*должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации*» [УК

РФ № 63-ФЗ]. Применительно к коррупционным преступлениям, посягающим на интересы службы в коммерческих и иных организациях, характеристики субъекта были установлены примечанием № 1 к статье 201 УК РФ: «...выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением <...> признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях» [Там же].

При этом расшифровки понятий организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций уголовный закон не содержит. Окончательный ответ на вопрос «кто же является субъектом коррупционных преступлений?» призвана была дать судебная практика. Согласно полномочию, закрепленному в статье 126 Конституции, Верховный суд РФ имеет право давать разъяснения по вопросам судебной практики, обеспечивающие единообразное применение отдельных норм на территории России. Руководствуясь данным полномочию, Пленум Верховного суда РФ Постановлением от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» разъяснил, что «к организационно-распорядительным функциям, являющимся элементом статуса должностного лица, относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии)» [Постановление Пленума... от 16 октября 2009 г. № 19]. Таким образом, работники медицинских и образовательных учреждений при определенных условиях признаются субъектами коррупционных преступлений. Так, по информации Верховного суда РФ, в 2012 г. за все составы преступлений коррупционной направленности осуждены 5,5 тыс. лиц, из которых более 80 % подсудимых — работники сферы здравоохранения и образования [Коммерсантъ. 2013].

Таким образом, лингво-правовой анализ официальной дефиниции коррупции как ключевого понятия антикоррупционного законодательства Российской Федерации подводит нас к следующим выводам. Данная дефиниция нуждается в совершенствовании как в части

уточнения круга коррупционных деяний, так и в части определения субъектов данного явления. Причинами возникновения разногласий в толковании содержания дефиниции коррупции служат ее терминологическая неточность, размытость языкового выражения мысли законодателя, приводящие к правовой коллизии, к расхождению законодательного определения коррупции с существующими положениями уголовного закона.

В связи с этим полагаем, что в целях повышения результативности антикоррупционной политики целесообразно принятие программных (базовых) антикоррупционных нормативных правовых актов, включающих комплексное, исчерпывающее определение понятия коррупции. Одним из вариантов подобного универсального определения может служить, на наш взгляд, следующее: «*Коррупция — это незаконное получение субъектами, указанными в части 2 настоящей статьи, имущественной и (или) неимущественной выгоды для себя или для третьих лиц, в том числе с использованием своих должностных полномочий или связанных с ними возможностей, а равно предоставление такой выгоды другими физическими и юридическими лицами*». При этом отдельными определениями в части 2 статьи 1 закона должны быть раскрыты понятия субъекта коррупции, имущественной и неимущественной выгоды, отдельной нормой закона произведена категоризация коррупционных нарушений. Полагаем, что предлагаемое совершенствование дефиниции коррупции повысит качество закона и соответственно эффективность его правоприменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богущи Г. И.* О реализации положений международных антикоррупционных конвенций в российском уголовном праве // Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в российском законодательстве : сб. материалов / Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2011. Ч. 1. С. 92—97.
2. *Большой юридический словарь* / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова и др. — М., 2001.
3. *Будатаров С. М.* Понятие коррупции в российском законодательстве и юридической литературе // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. Вып. 359. С. 106—110.
4. *Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка* : (Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 дек. 1979 г.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (дата обращения: 17.10.2014).
5. *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях* от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 янв. 2002 г. № 1 (часть I) ст. 1.
6. *Коммерсантъ*. 2013. № 31 (5026), 20 февр. 2013 г. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2131192/print> (дата обращения: 10.10.2014).
7. *Лопашенко Н. А.* Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Проблемы борьбы с проявлениями

криминального рынка. — Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2005. С. 21—35.

8. *Максимов С. В.* Коррупция. Закон. Ответственность. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ЮринфоР®, 2008.

9. *Модельный закон «О борьбе с коррупцией»* (принят на тринадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, постановлением № 13-4 от 3 апр. 1999 г.). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=13604> (дата обращения: 17.10.2014).

10. *Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике»* (Принят в г. Санкт-Петербурге 15.11.2003 Постановлением 22-15 на 22-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=26950;dst=100023> (дата обращения: 27.10.2014).

11. *Морозов Г. Б., Нургалиева Г. Ф.* Терминологическая нечеткость антикоррупционного законодательства России как фактор усиления коррумпированности общества // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 248—255.

12. *Ображиев К. В.* Проблемы реализации международных обязательств России в сфере уголовно-правового противодействия коррупции // Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в российское законодательство : сборник материалов. — М., 2011. Ч. 2. С. 16—21.

13. *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 окт. 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета — Федеральный выпуск. 2009. 30 окт., № 5031.

14. *Сафонов А. О* мировой практике применения ст. 20 Конвенции ООН по борьбе с коррупцией // Следователь. 2012. № 1. С. 46—55.

15. *Синельников Ю. П.* Пути реализации ст. 20 Конвенции ООН против коррупции в российском законодательстве и прокурорской практике // Законность. 2014. № 2. С. 5—9.

16. *Современный толковый словарь русского языка* / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинг, 2002.

17. *Уголовный кодекс* Российской Федерации (УК РФ) № 63-ФЗ от 13.06.1996. URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (дата обращения: 3.10.2014).

18. *Федеральный закон* от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156929/?frame=1 (дата обращения: 20.06.2014).

19. *Хабриева Т. Я.* Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 5—17.

20. *Шинкевич В. Е.* Феномен коррупции как социального явления: к проблеме осмысления // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и терроризмом в России на современном этапе : сб. материалов методологического семинара (г. Красноярск, 19—20 февр. 2009 г.). 2009. С. 7—11.

21. *Щедрин Н. В.* О законодательном определении коррупции // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и терроризмом в России на современном этапе : сб. материалов методологического семинара (г. Красноярск, 19—20 февр. 2009 г.). Красноярск, 2009. С. 49—51.

22. *Corruption Perception Index*. URL: <http://www.transparency.org/cpi2013> (дата обращения: 20.09.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р юрид. наук, доц. Г. Б. Романовский.